

Губаева Маргарита Анатольевна

ПОНЯТИЯ ШАДЛЫ? 'РАДОСТЬ' И ?АЙ?У 'ПЕЧАЛЬ' В ЯЗЫКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПАМЯТНИКА КУЛ ГАЛИ "КЫССА-И ЙУСУФ" (1233)

Данная статья ставит перед собой задачу описания языковых средств выражения состояний радости (шадлы?) и печали (?ай?у) в тюркоязычном средневековом произведении Кул Гали "Кысса-и Йусуф" (1233); рассматриваются особенности репрезентации лексических единиц при выражении обозначенных понятий и их функционирования в тексте поэмы "Кысса-и Йусуф". Проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что в средневековом тюркоязычном обществе понятия "радость" и "печаль" являются неразделимыми и взаимодополняющими.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 48-53. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

38. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 215-230.
39. Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 15-26.
40. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. Л.: Наука, 1985. 343 с.
41. Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982-1987.
42. Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. М.: Типография М. П. Щепкина, 1885. Вып. 1. 434 с.
43. Ярославский областной словарь: учеб. пособие: в 10 т. Ярославль: ЯГПИ имени К. Д. Ушинского, 1981-1991.

PARADIGMATIC RELATIONS IN THE SYSTEM OF CULTURAL TERMS OF THE EASTERN SLAVONIC WEDDING RITUAL

Grevtsova Tat'yana Evgen'evna
Southern Federal University
tanyar_2@mail.ru

The article examines paradigmatic relations in the group of cultural terms denoting wedding bread with the Eastern Slavs, their derivatives–nominations of the episodes, personages and attributes of a wedding and verbal word-combinations with the meaning of ritual actions with the pastry. The author identifies the mechanisms for the origin of synonyms in the mentioned terminological system, focuses on their differences from the synonyms in the literary language and distinguishes the pairs of word combinations related synonymically, antonymically and conversionally.

Key words and phrases: Eastern Slavonic wedding ritual; cultural term; bread; paradigmatic relations; synonymy; antonymy; conversion.

УДК 81-112.4; 811.512.145

Филологические науки

Данная статья ставит перед собой задачу описания языковых средств выражения состояний радости (шадлык) и печали (қайгу) в тюркоязычном средневековом произведении Кул Гали «Кысса-и Йусуф» (1233); рассматриваются особенности репрезентации лексических единиц при выражении обозначенных понятий и их функционирование в тексте поэмы «Кысса-и Йусуф». Проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что в средневековом тюркоязычном обществе понятия «радость» и «печаль» являются неразделимыми и взаимодополняющими.

Ключевые слова и фразы: средневековые тюркоязычные памятники; репрезентация лексических единиц; когнитивная лингвистика; радость-шадлык; печаль-қайгу.

Губаева Маргарита Анатольевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
atamannapajah@gmail.com

ПОНЯТИЯ ШАДЛЫК 'РАДОСТЬ' И ҚАЙГУ 'ПЕЧАЛЬ' В ЯЗЫКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПАМЯТНИКА КУЛ ГАЛИ «КЫССА-И ЙУСУФ» (1233)©

Эпоха средневековья привлекает учёных многих областей социально-гуманитарного знания. История, археология, антропология, религиоведение и другие науки изучают особенности государственного устройства, пытаются восстановить быт, особенности физиологического строения людей, конфессиональные и территориальные взаимоотношения в средневековом обществе. Мы считаем, что исследуя вопросы медиэвистики, следует взглянуть на них глазами человека того периода, для этого нам необходимо понять его внутренний мир, интенциональность и специфику мировоззрения [20].

Благодаря достижениям когнитивной лингвистики, мы можем утвердить, что внутренний мир человека, его побуждения, особенности восприятия внешнего мира и его самовосприятия находят отражение в языке изучаемого периода [2; 4; 7]. «Внутренний мир не дан в наблюдениях. Описывая его, язык его тем самым создаёт» [2, с. 5].

Средневековые памятники характеризуются яркой представленностью образов через оценочную призму религиозных догм [3; 5]. Средневековая философия строится на антитезе, оппозитарности: плохое и хорошее, злое и доброе, запрещённое и разрешённое и прочие оппозиции, порождая тем самым ценностную основу существования средневекового общества [1, с. 32; 4, с. 275; 18, с. 69-70].

В тюркоязычных художественных произведениях средневековья, как правило, акцент ставится на то, как герои выходят из различных ситуаций, таким образом автор раскрывает их духовный мир [14, с. 51; 16]. Можно сказать, что внутренний мир человека не описывается намеренно, а чаще всего является сопутствующим результатом изложения философской и этической мысли автора.

«Совокупность употреблений языковых единиц, репрезентирующих некоторое явление, создаёт языковой образ этого явления, его вербализуемую часть» [18, с. 58]. Опираясь на языковой материал, на вербализованную часть описываемых явлений («шадлык», «кайгу»), мы попытались составить языковой образ внутреннего мира человека в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» (1233).

Поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» является первым художественным поэтическим тюркоязычным произведением, написанным в первой половине XIII века в Волжской Булгарии [9, с. 3; 11, с. 57]. Являясь памятником XIII века и заключая в себе этническую ауру булгар и их языковые особенности [12; 13; 19], поэма «Кысса-и Йусуф» представляет собой важное звено на пути воссоздания языкового портрета средневекового человека. Учитывая временную отдалённость от событий средневековья и ограниченность сохранившегося языкового материала той эпохи [8; 17] (мы не ставили целью изучение произведений дидактического и мистического характера, а также болгарских эпитафий), поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» являет собой неопценимый источник, воплотивший в себе первый доступный для изучения и описания языковой образ человека.

Для анализа соответствующей лексики в поэме «Кысса-и Йусуф» мы обратились к тексту издания 1983 года, составленного Ф. Фасеевым по списку краткой редакции Г. Утыз Имяни, содержащим дополнительные строфы, авторское заключение, варианты и разночтения по спискам пространной редакции, глоссы редактора Утыз Имяни, а также описание рукописей, найденных до этого времени [10]. В статье примеры приводятся с указанием номера строфы и страницы, а буквенные индексы при номере строфы являются обозначением строки, например: [Там же, с. 52, 25 в] означает, что пример располагается на 52 странице в 25 строфе, третьей строкой. Кроме этого, нами был использован подстрочный перевод на русский язык, представленный в этом же издании.

В данной статье рассматриваются понятия *шадлык* / 'радость' и *кайгу* / 'печаль' [6; 15]. Зачастую трудно закрепить понятия за отдельной группой, например, понятие *шадлык* / 'радость' на первый взгляд является составным элементом группы «эмоции». Понятие *кайгу* / 'печаль' по своей семантике больше относится к группе «состояние». Однако мы условно включили оба исследуемых понятия в группу «состояние», как более широкий контекст проявления внутреннего мира человека.

Анализируя языковое воплощение понятия *шадлык* / 'радость', мы выяснили, что для передачи состояния радости Кул Гали использовал богатый лексический материал тюркского, арабского и персидского языков: *шад* / 'радостный', *хөррәм* / 'светящийся (от радости)', *хәндан* / 'радостный, весёлый', *мөфәррих* / 'радостный', *бәшира* / 'радость'; а также обозначающие процесс «радования»: *бәшарәт* / 'радующий, приносящий радостную весть', *сәуен-* / 'радовать(ся)', *мөҗдәлә-* / 'радовать, приносить радостную весть'. Рассмотрим эти лексические единицы в контексте их употребления.

1. Персидское заимствование *шад* 'радостный' и его производные активно используются автором поэмы (в общей сложности 20 словоформ): *шад* (*шади*) 'радостный' (зафиксировано 7 словоформ): *күңле ачлыб хатеринә шади йағды* / 'повеселела, сердце наполнилось радостью' [10, с. 134, 399 б]; *дустлари шад душман мәғмум ула имди* / 'друзья будут в радости, враги – в печали' [Там же, с. 168, 545 г]; *рәнҗең илә қайғурмағыл, шад[и] улғыл* / 'забудь горечь обиды, будь радостен' [Там же, с. 236, 814² в]; *Ибне-Иәмин шад улдығын җәмлә курди* / 'все увидели, что Ибнйамин радостен' [Там же, с. 236, 815 в]; *шадлык* / 'радость' (зафиксировано 5 словоформ): *хәфийә берлә күңле шадлык ичрә қалды* / 'душа его тайно возликовала' [Там же, с. 94, 198 б]; *мәхлуқ үзрә шадлык-рахәт кәлдәчидер* / 'всему живому наступит радость, спокойствие' [Там же, с. 198, 668 б]; *Ибне-Иәбин шадлык илә дура кәлди* / 'Ибнйамин встал, подошёл к нему радостный' [Там же, с. 248, 862 а]; *шадеман* / 'радостный, весёлый' (зафиксировано 5 словоформ): *Йетег пычақ күрмәг-лә шадеман улдың* / 'Увидев острый нож, радуешься что ли' [Там же, с. 66, 87 б]; *қәрдәшләри кәлдегинә шад[е]ман улды* / 'очень обрадовался приезду братьев' [Там же, с. 222, 758 б]; *«Нә мәғнәдән шадеман сән?» – дирләр имди* / 'Сказали: "По какой причине ты так весел?"' [Там же, с. 236, 815 г]; *шадекям* / 'радостный' (зафиксировано 2 словоформы): *нәфсе ари[ә] күңли шадекям улсун имди* / 'пусть он будет в чистоте, а душа его – в радости' [Там же, с. 60, 58 г]; *хәллә кийүб, күңле шадекям улдығында* / 'надев нарядный халат, стоял радостный' [Там же, с. 118, 322 в]; *шадан* / 'радостный' (зафиксирована 1 словоформа): *хәлгәт кийүреб, җәмлә шадан улур имди* / 'одел на него почётное одеяние. – Все возрадовались' [Там же, с. 200, 678 г].

2. Лексема *хөррәм* / 'светящийся (от радости)', являющаяся персидским заимствованием, также распространена в языке исследуемого произведения (зафиксировано 6 словоформ): *«Шад вә хөррәм һәргиз сән улмаз идең»* / "«Никогда ты не был таким радостным и весёлым»" [Там же, с. 236, 816 а]; *ғақле кәлди, шадлықдан хөррәм улды* / 'а когда пришёл в себя, повеселел от радости' [Там же, с. 244, 847 в]; *анлар әйдүр: «Сәни кем хөррәм қыйлды? // Биңзең нуры д[у]луң ай-тик! – дирләр имди»* / 'они сказали: "Кто тебя так обрадовал? Лицо твоё светится подобно луне!"' [Там же, с. 248, 858 в-г].

3. Тюркское отглагольное существительное *сәуенмәк* / 'радость (букв. радование)' является малоупотребимым (зафиксировано 2 словоформы): *сәуенмәкдән биңзе нуру улмыш иди* / 'от радости лицо его сияло' [Там же, с. 248, 858 б]; *сәуенмәкдән ул гәурәтнең усы әтди* / 'от радости женщина упала без чувств' [Там же, с. 272, 950 б].

4. Арабское заимствование *хәндан* / 'весёлый' в памятнике «Кысса-и Йусуф» зафиксирована также лишь в одном примере: *Йусеф нәби қайта кәлди шад вә хәндан* / 'Пророк Йусуф вернулся радостным, весёлым' [Там же, с. 118, 328 а].

5. Значение пребывания в состоянии радости в исследуемом памятнике передаётся, как правило, тюркской глагольной основой *сәуен-* / 'радоваться' (всего зафиксировано 15 словоформ). Среди них: *сәуенди* / 'обрадовался' (зафиксировано 4 словоформы): *Сәуенди: «Морадемә ирдем», дәйүр* / 'Радовалась, думая: "Достигла своей цели"' [Там же, с. 134, 400 а]; *Мәлик Рәййан муны ишдеб һәм сәуенди* / 'Услышав это, Рейян

обрадовался [Там же, с. 198, 666² а]; *Кэлди анда Йусефең угланлары, // Йағкуб сәүчи сәүенде, бойурды аны /* 'Подошли сыновья Йусуфа, // Пророк Йағкуб обрадовался, расспросил о них' [Там же, с. 274, 961¹ а-б]; *сәүенүбән /* 'радуясь' (зафиксировано 3 словоформы): *Сәүенүбән мән аны диурүр идем, // җәмез қылыб, сандуғьма куйар идем /* 'Радуясь, собирал я их, // собрав, клал в сундук' [Там же, с. 88, 172 а-б]; *сәүенүбән Йусефең элин алды /* 'радуясь, взял Йусуфа за руки' [Там же, с. 92, 192 в]; *сәүенүбән Йусефнең элен алды /* 'радуясь, взяла Йусуфа за руку' [Там же, с. 158, 499¹ в]; *сәүендерәм /* 'обрадую' (зафиксировано 2 словоформы): *ул мэхзун-не хөррәм қылыб сәүендерәм /* 'я обрадую этого опечалившегося, он будет светиться (от радости)' [Там же, с. 268, 931 в]; «*Сәни уңдан сәүендерәм*», – *димеш иди /* 'Сказал: “Сначала обрадую тебя”' [Там же, с. 270, 947 б]; *сәүенүб /* 'радуясь' (зафиксировано 2 словоформы): *Малик Дәгир сәүенүб қаршу варды /* 'Малик Дагир, радуясь, пошёл навстречу' [Там же, с. 92, 192 б]; *Хәзинәдар сәүенүб кирү кэлди /* 'Казначей прибежал, радуясь' [Там же, с. 144, 451¹ а]; *сәүенешделәр /* '(вместе) обрадовались' (зафиксирована 1 словоформа): *Мистър әһле буны ишдүб сәүенешделәр /* 'Услышав это, египтяне обрадовались' [Там же, с. 120, 335 а]; *сәүендиләр /* 'обрадовались' (зафиксирована 1 словоформа): *Исраилдән боны ишдөб сәүендиләр /* 'Услышав это от Израиля, обрадовались' [Там же, с. 60, 59 а]; *сәүнүр /* 'радуется, будет радоваться' (зафиксирована 1 словоформа): «*Вәгдә йәтди!*» – *дәйүб тәлим сәүнүр имди /* 'Очень радовался, думая, что обещанный срок настал' [Там же, с. 90, 180 г]; *сәүенешүб /* '(вместе) радуясь' (зафиксирована 1 словоформа): *җәмлә-ләри сәүенешүб алыб варды /* 'и, радуясь, несли его на руках' [Там же, с. 62, 68 в].

6. Арабское заимствование *бәшарәт* 'радующий, приносящий радостную весть' (зафиксировано 4 словоформы) несёт обозначение процесса – радовать новостью: *рахәт-леғә бәшарәт булдачи сән /* 'приносящим людям радость станешь ты' [Там же, с. 52, 28 в]; «*Йа Жәбраил, Йусефә қылғыл дәрман // һәм рисаләт бәшарәт[ин] қаушыр имди /* "О Джабраиль, окажи помощь Йусуфу, // сообщи ему радостную весть о его пророчестве" [Там же, с. 76, 122 в-г]; *хақ Йусефә Жәбраили бат күндерди, – // тышира чыкмак бәшарәт кәтүрер имди /* 'тут же бог послал Джабраиля, – // велел доставить (Йусуфу) радость спасения' [Там же, с. 92, 186 в-г]; *мэхзун җаным бу дәм эчрә рахәт булды, – // бу бәшарәт шөкрәнә-си кәрәк имди /* 'печальное сердце получило успокоение, – // необходимо теперь отблагодарить за эту радостную весть' [Там же, с. 192, 642 в-г].

7. Лексема *бәшира* / 'радость' (зафиксирована 1 словоформа) является однокоренной к слову *бәшарәт*: «*Йа бәшира, һәзә гәлям!*» – *дәйүр имди /* "О радость! Это тот самый юноша!" – вскричал он! [Там же, с. 92, 190 г].

8. *Мәҗдә* / 'радостная весть', слово заимствовано с арабского языка (зафиксирована 1 словоформа): «*уш Йағкубең мәҗдәсе хазир кэлди, – // қани бәнүм Бәширем?!*» – *дәйүр имди /* "уже к Йағкубу пришла радостная весть, – // а где же мой Башир?!" – стенола она! [Там же, с. 270, 947 в-г].

9. Арабское *мәфәррих* / 'радостный' (зафиксировано 2 словоформы), используется, как явствуют примеры, в глагольных конструкциях *мәфәррих ул-*, *мәфәррих қыл-* для передачи значения пребывания в состоянии радости или перехода в состояние радости: *сән исәли, бән мәфәррих улдым имди!* / 'когда ты воешь, мне становится радостно!' [Там же, с. 270, 941 г]; *қайғулу нәфсем мәфәррих қыйлығыл имди /* 'печальную душу мою возрадуй' [Там же, с. 294, 1007 г].

10. *Мәҗдәлә-* / 'радовать, приносить радостную весть' – глагольная форма, образованная посредством присоединения тюркского глаголообразующего аффикса -лә- (зафиксировано 2 словоформы): *Бәшир кәлиб Малик[к]ә мәҗдә-ләди, // Малик Дәгир сәүенүб қаршу варды /* 'Башир сообщил Малику радостную весть, // Малик Дагир, радуясь, пошёл навстречу' [Там же, с. 92, 192 а-б]; *Мәүлә җәлил Жәбраилә һәм бойурды, // Йусефә қардәшләрин мәҗдәләди /* 'Великий Владыка повелел Джабраилу, // тот сообщил Йусуфу добрую весть о братьях' [Там же, с. 222, 757 а-б].

Языковые средства, репрезентирующие состояние радости в тексте «Кысса-и Йусуф», функционируют в следующих ситуациях:

а) человек радуется благоприятным событиям: *Малик Дәгир сәүенүб қаршу варды, // сәүенүбән Йусефең элин алды /* 'Малик Дагир, радуясь, пошёл навстречу // радуясь, взял Йусуфа за руки' [Там же, с. 92, 192 б-в]; *қардәшләри кәлдегинә шад[е]ман улды /* 'обрадовался приезду братьев' [Там же, с. 222, 758 б];

б) человек ощущает радость в предвкушении исполнения желаний: «*Вәгдә йәтди!*» – *дәйүб тәлим сәүнүр имди /* 'Очень радовался, думая, что обещанный срок настал' [Там же, с. 90, 180 г]; *Сәүенди:* «*Морадемә ирдем*», *дәйүр /* 'Радовалась, думая: “Достигла своей цели”' [Там же, с. 134, 400 а];

в) Кул Гали создаёт предчувствие радости через образ ангела, либо людей, наречённых именем Бәшир (имя с символическим значением «приносящий радостные вести»), либо утреннего лёгкого ветра: *Мәүлә җәлил Жәбраилә һәм бойурды, // Йусефә қардәшләрин мәҗдәләди /* 'Великий Владыка повелел Джабраилу, // тот сообщил Йусуфу добрую весть о братьях' [Там же, с. 222, 757 а-б]; *Бәшир кәлиб Малик[к]ә мәҗдә-ләди, // Малик Дәгир сәүенүб қаршу варды /* 'Башир сообщил Малику радостную весть, // Малик Дагир, радуясь, пошёл навстречу' [Там же, с. 92, 192 а-б]; *Искәдисә, халиқгә шөкер қылды, // мэхзун-лықдан Йағкуб нәби хөррәм улды; // әйдүр:* «*Бәнәм Йусефемнең йеси кэлди, – // сәбах йиле кәлтүрди*», – *дәйүр имди /* 'Как уловил запах, возблагодарил Творца, // Прошла печаль, пришла радость, // Сказал: “Дошёл до меня запах моего Йусуфа, // Его доставил утренний ветер” [Там же, с. 270, 940 а-г]. На наш взгляд автор использовал данные лексические единицы как символ для радостных, известных;

г) в тексте состояние радости часто противопоставляется печали, подчёркивая оппозиционность мировосприятия: *рәнҗең илә қайғурмағыл, шад[и] улғыл /* 'забудь горечь обиды, будь радостен' [Там же, с. 236, 814² в]; *мэхзун-лықдан Йағкуб нәби хөррәм улды /* 'пророк Йағкуб был печальным, стал радостным' [Там же, с. 270, 940 б]; *ул мэхзун-не хөррәм қылыб сәүендерәм /* 'обрадую этого опечалившегося, (он) будет светиться (от радости)' [Там же, с. 268, 931 в];

д) через лексему *хөrrәм* автор воплощает «визуализируемое» состояние – человек как бы светится от радости, таким образом человеческие эмоции из мира внутреннего находят отражение в мире внешнем;

е) состояние радости создают прилагательные, в основном, арабо-персидские заимствования: *шад* / 'радостный' и его производные, *хөrrәм* / 'светящийся (от радости)', *хәндан* / 'радостный, весёлый', *мөфәррих* / 'радостный'; понятие радости передаётся существительным *бөшира* / 'радость' и отглагольным существительным *сәуенмәк* / 'радость (букв. радование)';

ж) как свидетельствуют примеры, процесс пребывания или перехода в состояние радости чаще всего передаётся тюркским глаголом *сәуен-* и его словоформами: *сәуенди*, *сәуенүбән*, *сәуенүб*, *сәуендерәм*, *сәуендиләр*, *сәунүр* и др. В некоторых случаях такой процесс обозначается заимствованиями, конструкцией типа прилаг. + гл., например: *хөrrәм ул-, хөrrәм қыл-, мөфәррих ул-, мөфәррих қыл-*, реже – с помощью тюркских глаголообразующих аффиксов (-лә-), присоединяющихся к основе заимствованного слова, например, *мөждәләди*.

Обращение к оппозициям является основой средневековой философской мысли. Как наблюдаем в тексте, достаточно часто Кул Гали прибегает к антитезе, создавая ценностное восприятие героев. Во многом он противопоставляет состоянию радости – печаль, горе, тоску. Лексическое выражение понятия *қайғу* / 'горе, печаль' осуществляется посредством таких единиц как: *қайғу (қазғу)* / 'горе, печаль', *хәсрәт* / 'горе, тоска', *ғоссә* / 'горе, печаль, тоска', *мәғмум* / 'печальный, грустный', *мәхзун* / 'опечаленный, огорчённый', и глаголом с основой *қайғур-*.

1. Тюркское существительное *қайғу (қазғу)* / 'печаль, горе' активно используется автором для передачи состояния печали (зафиксировано 8 словоформ): *сәнең қайғуң үзрә нийәт қыйлдум имди* / 'имея в виду горе о тебе' [Там же, с. 246, 855² г], *йимәк-эчмәк қайғусы кәтди имди* / 'пропало желание есть, пить' [Там же, с. 150, 471 г], *қутулса қазғудан, нәжәт аңа дилә* / 'проси ему освобождения, избавления от горя' [Там же, с. 192, 644⁴ в], кроме этого, было выявлено употребление производного прилагательного – *қайғулу* / 'опечаленный, огорчённый', которое также довольно часто встречается в исследуемой поэме (зафиксировано 7 словоформ): *қайғулу үзәмә кем иш булдачи* / 'кто будет сочувствовать, когда я стану горевать' [Там же, с. 100, 233 в]; *Йусеф әйдүр: “Нә мәғнәдән күзең йәшлү, // биңзең сары, қайғулу, бәгрең баилү”* / 'Йусуф сказал: «Отчего слёзы на твоих глазах, // лицо жёлтое, печальное, страдающее»' [Там же, с. 242, 835 а-б]; *бән қәрдәшез, йәлгүз қалдум бу қапуя, – // үзүм қайғулу, күзәмдән йәш ақар имди!* / 'я остался один у этих ворот без братьев, // сам опечален, слёзы льются из глаз' [Там же, с. 234, 804¹ в-г]. Кул Гали использует форму множественного числа от существительного *қайғу* – *қайғулар*, однако, такое употребление не обозначает множественность, а усиливает значение понятия *қайғу* / 'горе, печаль' (зафиксировано 3 словоформы): *чүқ қайғулар эченә батдум имди* / 'много раз утопал в горе' [Там же, с. 246, 855⁴ г]; *қайғулары күрәйәчәк – йығлар идум* / 'если встречал опечаленных – проливал слёзы' [Там же, с. 248, 855⁸ в]; *«Қайғулары дүндәрән висәлең вар, // мәхзун-ләри тындыран жәмәләң вар»* “Встреча с тобой рассеивает печаль, // твоё лицо успокаивает опечаленного” [Там же, с. 244, 840 а-б].

В тексте зафиксировано существительное *қайғу* в качестве имени собственного: *үчүнчи-сәнең адын Қайғу дидүм* / 'третьему дал имя – Горе' [Там же, с. 246, 855³ в]. Данный пример ещё раз подтверждает символическое употребление имён собственных поэтом Кул Гали.

2. Автор нередко прибегает к использованию лексемы *хәсрәт* / 'горе, тоска' (зафиксировано 42 словоформы): *Йағқуб нәби сездән тәлим хәсрәт күрди* / 'Из-за вас пророк Йағқуб пережил столько горя' [Там же, с. 252, 872 в]; *йаулақ қаты хәсрәт-лә ағлар имди* / 'горюя, очень сильно заплакал' [Там же, с. 282, 974¹ г]; *бу хәсрәти гақибәт кем унутдырачи? / 'кто рассеет эту печаль?'* [Там же, с. 100, 234 в]; *Мөдам сәнең хәсрәтең дутар Йағқуб* / 'Постоянно о тебе горюет Йағқуб' [Там же, с. 184, 608 а]; кроме того, выявлена парная конструкция *хәсрәт-горбәт* 'горе и одиночество' (зафиксировано 2 словоформы): *хәсрәт-горбәт майданенә атарму-сез* / 'бросите меня в горе, (обречёте) на скитание' [Там же, с. 94, 199 б]; *сүзләшүрләр халь-әхуаль, хәсрәт-горбәт, – // ағлай-ағлай Йусеф әхуаль сулар имди* / 'рассказали о пережитых ими горестях, // плача Йусуф спрашивал об их жизни' [Там же, с. 246, 850 в-г].

3. Арабское заимствование *ғоссә* / 'горе, печаль, тоска' (зафиксировано 7 словоформ) выявлено в исследуемом памятнике в следующих случаях употребления: *жәмлә-си-нең хәтеринә ғоссә йағды* / 'сердца всех наполнились чёрной тоской' [Там же, с. 54, 34 в]; *Нә ғоссәң вар, буның кеби ун қәрдәшлү?* / 'О чём горюешь, имея таких вот десять братьев?' [Там же, с. 242, 835 в]; *«Ғоссә-сендән куртулалум», – дирләр имди* / 'Избавимся, – сказали, – от беды' [Там же, с. 60, 59 г]. Нами были также обнаружены случаи употребления парных существительных, содержащих данную лексему и передающих общее значение 'горе, печаль', такие как *ғәм-ғоссә*: *«Ғәм-ғоссәдән имде айру қалғыл», диди* / 'Сказал: “Ныне расстанешься с горем и печалью”' [Там же, с. 198, 673 в]; *ғоссә-ғәм: бәғдәзан ғоссә-ғәмне тәлим күрди* / 'после он пережил много горя и печали' [Там же, с. 210, 711 в]; *қайғу-ғоссә: қайғум-ғоссәм суалды, кәтди имди* / 'рассеялись горе и печаль' [Там же, с. 236, 818 г].

4. Прилагательное *мәғмум* 'печальный, грустный' (зафиксировано 10 словоформ), являясь арабским заимствованием, часто образует глагольные композиты типа *мәғмум ул-, мәғмум қал-*: *Боны ишдеб, Зөләйхә улды мәғмум* / 'Услышав это, Зуләйха опечалилась' [Там же, с. 216, 743 а]; *бу мәғнә-дән қаты йаулақ мәғмум улды* / 'по этой причине страшно опечалился' [Там же, с. 182, 602 б]; *қәрдәшим Ибне-Йәмин қалды мәғмум* / 'брат мой Ибнйамин остался в скорби' [Там же, с. 102, 243 в]. Данная глагольная конструкция обозначает процесс перехода в состояние печали или продолжительное нахождение в таком состоянии. Однако лексема *мәғмум* / 'печальный, грустный' функционирует и в значении прилагательного: *күңле мәғмум, ағызына тәгам алмаз* / 'сердце (его) печальное, и есть (он) не хочет' [Там же, с. 188, 625 б].

5. *Мәхзун* / 'опечаленный, огорчённый' (зафиксировано 8 словоформ). Как и предыдущая словоформа, лексема *мәхзун* образует глагольные композиты, такие как: *мәхзун ир-, мәхзун ул-*: *Мәхзун ирүр, гаҗизлыкқин*

тақате тақ, // сәнең йөзең күрмәккә йаулақ мәшитақ / 'Очень горюет, в изнеможении, совсем обессилел, // жаждет увидеть твой лик' [Там же, с. 190, 639 а-б]; *Йағқуб аны ишедеб, мәхзун улды* / 'Услышав это, Йағкуб опечалился' [Там же, с. 62, 74 а]; кроме этого, нами выявлены случаи субстантивации прилагательного: *мәхзун-ләрә рахәт вирүр аның йүзи* / 'лицо его давало радость опечаленным' [Там же, с. 136, 407 в]; *ул мәхзуннең һәрәм хәзне артар имди* / 'у горемычного горе всё усиливается' [Там же, с. 184, 607 г].

б. Глагольная основа *қайғур-* предстаёт в тексте «Кысса-и Йусуф» как главный языковой способ обозначения процесса пребывания в состоянии печали / горя или выхода из этого состояния. Нами были обнаружены формы: *қайғурма(ғыл / ңыз)* / 'не печалься(тесь), не горюй(те)' (зафиксировано 6 словоформ): *Әйдер аңа: «Әйә Йусеф, қайғурмағыл»* / 'Сказал он: "О Йусуф, ты не горюй"' [Там же, с. 76, 131 а]; *һич қайғурма, фитнәләрдән мәгаф улдың* / 'не горюй, тебя избавлю от бед' [Там же, с. 158, 503 в]; *қайғурмаңыз, мәгаф қылам имде сези* / 'не бойтесь, милую вас' [Там же, с. 266, 929 в]; *қайғур(уш)ды (қазғырышды)* / '(вместе) обеспокоился(ись), опечалился(ись)' (зафиксировано 3 словоформы): *бер чағырды, угынды, йэрә дүиди, // аны күрүб, углан-лары қазғырышды* / 'он громко зарыдал, потерял сознание и упал на землю, // увидев это, сыновья стали горевать' [Там же, с. 82, 146 б-в]; *қарауашлар жәмләсе қайғурушды* / 'все невольницы впали в отчаяние' [Там же, с. 134, 403 в]; *госсә берлә қайғурды, бәғри йанды* / 'опечалился, горе жгло сердце' [Там же, с. 58, 49 б], *қайғырыр* / 'печалится, горюет, беспокоится' (зафиксирована 1 словоформа): *Йарлы Йусеф қайғырыр қанун ағлар* / 'Бедный Йусуф горюет, обливаясь кровавыми слезами' [Там же, с. 100, 238 а].

Выявление семантики языковых единиц и определение особенностей функционирования понятия *қайғу* / 'горе, печаль' в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» представило следующие результаты:

а) как было отмечено выше, понятия печали и радости противопоставляются друг другу в данном произведении, как это свойственно эпохе средневековья, в целом: *дустлары шад душман мәғмум ула имди* / 'друзья (ваши) будут в радости, враги – в печали' [Там же, с. 168, 545 г];

б) человек испытывает горе от потери любимых и дорогих людей, состояние горя отрицательно влияет на человека: *мәхрүм қалдум, ул угылым йәуа қыйл[у]б, – // хәсрәтемдән йаулақ зәғиф улдум имди* / 'лишился, потерял я того сына, // с горя я совсем обессилел' [Там же, с. 260, 899⁵ в-г]; *ул хәсрәтдән ики күзи күрмәз имди* / 'от горя такого оба глаза его ослепли' [Там же, с. 228, 776 г];

в) в исламе, как и в христианстве, многодетность уважалась [3; 5; 18, с. 98], а бездетность считалась несчастьем, горе поглощало человека: *бала үчүн, йә Йусуф, хәсрәтле-мән* / 'о Йусуф, я в печали из-за отсутствия ребёнка' [10, с. 118, 324 в];

г) императив глагола *қайғыр-* в отрицательной форме (*қайғурмағыл қайғурма қайғурмаңыз*) используется героями поэмы как приём снятия напряжения, беспокойства: *қайғурмаңыз, мәгаф қылам имде сези* / 'не бойтесь, милую вас' [Там же, с. 266, 929 в]; *Йусеф әйде: «Сән һәргиз қайғурмағыл»* / 'Йусуф сказал: "Ты не горюй"' [Там же, с. 248, 856 а];

д) лексема *хәсрәт* передаёт значение горя. Автор, используя оппозиционность, создаёт ситуации страдания и горя, однако, ситуация может поменяться к лучшему, вследствие, это состояние тоже проходит: *«Хәсрәтемә бу күн қаушдум!» – дәйүр имди* "«Сегодня нашёл того, по ком горевал я!» – сказал он' [Там же, с. 244, 847¹ г], *тәлим йылғы хәсрәтемә қауышайын* / 'соединюсь с тем, по ком страдала много лет' [Там же, с. 138, 422 б]; *хәсрәтләри бер-беринә қаушдырам* / '(сделаю так, что) встретятся те, кто страдал друг по другу' [Там же, с. 168, 545 в];

е) словоформа *қайғусы*, кроме значений 'печаль, горе' в тексте употребляется также в значении 'желание (голод, жажда)', т.е. для выражения биологических потребностей: *йимәк-эчмәк қайғусы кәтди имди* / 'пропало желание есть, пить' [Там же, с. 150, 471 г].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что данное исследование является попыткой реконструкции внутреннего мира человека, свойств его личности только на основе языкового материала. Мы изучили совокупность употреблений языковых единиц, репрезентирующих понятия шадлык / 'радость' и қайғу / 'печаль' в тюркоязычном средневековом памятнике «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. При этом за пределами языкового выражения остаётся невербализованная часть исследуемых понятий. Нам удалось выяснить, что автор, прибегая к антитезе, эксплицирует свои ценностные установки. Автор использует в языке памятника существительные и прилагательные для описания состояния радости или печали / горя, а также глагольные конструкции для выражения процесса перехода в эти состояния или выхода из них. В целом, состояние горя / печали нестабильно, оно сменяется радостью, когда исчезает причина страдания. Пребывая в состоянии радости, человек весел, светится, также он может упасть без чувств. Состояние печали влияет на человека отрицательно: он теряет жизненные силы, аппетит, зрение. Радость и печаль являются общечеловеческой нормой, неотъемлемой частью внутреннего мира человека. Исследование показало, что понятия радость и печаль во всём многообразии присущи средневековому тюрку.

Список литературы

1. Амирханов Р. М. Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII-XVI вв.). Казань: Мастер-Лайн, 2001. 262 с.
2. Арутюнова Н. Д. Введение // Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3-10.
3. Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. М., 1996. 133 с.
4. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
5. Гогиберидзе Г. М. Исламский толковый словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 266 с.
6. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1969. 676 с.

7. **Замалетдинов Р. Р.** Теоретико-методологические предпосылки изучения языковой картины мира // Филология и культура. 2009. № 3. С. 134-142.
8. **Кадирова Э. Х.** Из наблюдений над лексикой Арабско-тюрко-татарского словаря XVI в. // В. В. Радлов и духовная культура тюркских народов: сборник трудов Интернет-конференции (Казань, 21 марта 2012 г.). Казань: Казанский университет, 2012. С. 93-97.
9. **Кузьмина Х. Х.** Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Казань: ДАС, 2001. 98 с.
10. **Кул Гали.** Кысса-и Йусуф. Казань: Тат. книж. изд-во, 1983. 543 с.
11. **Наджиб Э. Н.** Исследования по истории тюркских языков XI-XIV веков. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. 283 с.
12. **Нуриева Ф. Ш.** Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды: дисс. ... д. филол. н. Казань, 2004. 409 с.
13. **Нуриева Ф. Ш., Кузьмина Х. Х.** Жизнь и деятельность профессора Казанского университета Вахита Хозятовича Хакова // Филология и культура. 2013. № 33. С. 342-345.
14. **Средневековая татарская литература (VIII-XVIII вв.)** / сост. Ш. Ш. Абилов и др. Казань: Фэн, 1999. 240 с.
15. **Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Төзүчеләре Ф. Ә. Ганиев һ.б.** Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2005. 848 б.
16. **Хисамов Н. Ш.** Поэма «Кыйсса-и Йусуф» Кул 'Али. Казань: Дом печати, 2004. 254 с.
17. **Хисамова Ф. М.** Туган тел һәм милләт язмышы // Tatarica. 2013. № 1. С. 28-34.
18. **Яковенко Е. Б.** Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М.: Эйдос, 2007. 288 с.
19. **Nurieva F. Sh.** Literary Language of the Golden Horde: Norms and Variations // Life Science Journal. 2014. Vol. 10 (11). P. 713-717.
20. **Yusupova A. S., Galiullina G. R., Denmukhametova E. N.** Representation of national mentality in Turkic-Tatar vocabulary // Life Science Journal. 2014. Vol. 11 (7). P. 506-508.

**THE NOTIONS ШАДЛЫК 'JOY' AND КАЙҒУ 'GRIEF' IN THE LANGUAGE
OF THE MEDIEVAL TURKIC MONUMENT BY QOL GHALI "QISSAI YOSIF (TALE OF YUSUF)" (1233)**

Gubaeva Margarita Anatol'evna
Kazan (Volga Region) Federal University
atamannajah@gmail.com

The article aims to describe the linguistic means of expressing the states of joy (шадлык) and grief (кайғу) in the Turkic-language medieval work by Qol Ghali "Qissai Yosif (Tale of Yusuf)" (1233). The peculiarities of representation of lexical units in the expression of the mentioned notions and their functioning in the text of the poem "Qissai Yosif (Tale of Yusuf)" are considered. The conducted research allows concluding that in the medieval Turkic-language society the notions *joy* and *grief* are inseparable and complementary.

Key words and phrases: medieval Turkic-language monuments; representation of lexical units; cognitive linguistics; joy - шадлык; grief - кайғу.

УДК 811.1

Филологические науки

В статье раскрываются особенности становления антропонимической формулы на полиэтнической территории Великого княжества Литовского. На материале деловой письменности XV-XVIII вв. выявляются типы антропонимических формул, формирующиеся под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Уделяется внимание расширенным антропонимическим формулам как сложным социокультурным знакам, отражающим особенности организации общества и духовной культуры жителей полиэтнической территории.

Ключевые слова и фразы: антропоним; расширенная антропонимическая формула; социальный статус лица; апеллятивные конкретизаторы.

Гурская Юлия Александровна, к. филол. н., доцент
Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка
julia.gurskaja@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ
НА ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ©**

Становление антропонимической формулы, ее структура, компонентный состав рассматривались на материале различных языков в трудах Н. В. Бирилло, С. И. Зинина, С. М. Медведь, И. А. Королевой, Е. В. Литус, С. Н. Смольникова и др. Вместе с тем особенности становления формулы именованной на полиэтнической территории изучены еще недостаточно. Это относится и к исторической онимии белорусского ареала, который в XIII-XVIII вв. входил в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), населенного разными народами